

«Славный кабинет господина Генкеля»: история в контекстах (У истока первого университетского музея России)

Юркин Игорь Николаевич

Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия

История первой коллекции первого музея первого университета России (Московского), подаренной ему братьями Демидовыми в 1757 г., рассматривается в нескольких аспектах: как объект, служивший передаче в Россию из Западной Европы научных знаний, как маркер социальной идентичности при движении социального лифта, как имущество, перемещение которого отразило отношения между наследниками А.Н. Демидова, как эпизод в истории собирательства, как пример трансформации функции предмета при передаче его в музей, ведущей к возникновению суммы смыслов.

Ключевые слова: Демидовы, И.Ф. Генкель, М.В. Ломоносов, Московский университет, минералогическая коллекция, музей, семиофор, серебро

Цитирование: Юркин И.Н. «Славный кабинет господина Генкеля»: история в контекстах (У истока первого университетского музея России) // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2026. Т. 4, вып. 1. С. 61–78

“Mr. Henckel’s Glorious Cabinet”: A History in Contexts (At the Origins of Russia’s First University Museum)

Igor N. Yurkin

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The history of the first collection of the first museum of the first university in Russia (Moscow University), which was donated to it by the Demidov brothers in 1757, is examined in several aspects: as an object that served to transfer scientific knowledge from Western Europe to Russia, as a marker of social identity during the movement of the social elevator, as an asset whose transfer reflected the relationship between the heirs of A.N. Demidov, as an episode in the history of collecting, and as an example of the transformation of the function of an object when it is transferred to a museum, leading to the emergence of a sum of meanings.

Keywords: Demidovs, J.F. Henckel, M.V. Lomonosov, Moscow University, mineralogical collection, museum, semiophor, silver

История Генкелева минералогического кабинета – первой коллекции первого музея первого университета России – цепочка разнообразных по содержанию эпизодов, связанных с неординарными личностями и часто неожиданными их действиями. События, среди которых были как взаимо-

связанные, так и случайные, образовали привлекающий внимание нарратив, подчас весьма напряженный. К сожалению, реконструируемый ход этих событий не лишен разрывов и зон, недоступных наблюдению и анализу. Тем не менее изучение пребывания кабинета в России под разными углами зрения и в разных контекстах может оказаться продуктивным и при неполноте доступной информации.

В сочинениях, посвященных культуре России XVIII в., рассказ об этой коллекции часто начинается с упоминания об опубликованном в 1755 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» сообщении о том, что «... февраля 17 дня от дворянина Никиты Акинфиевича Демидова усерднейше подарено в Императорской Московской Университет третья доля славного кабинета господина Генкеля, которой состоит из наилутчих минералов, многих курioзных вещей, окаменелых коралей и разных раковин»¹. Решение о даре «к успеху учреждающагося Университета» определило особое место, которое данной коллекции предстояло занять в истории культуры и образования в России. Но к моменту судьбоносного решения у нее существовала и собственная история.

В предыдущих публикациях (1) мы уже останавливались на важнейших событиях истории Генкелева кабинета, открывших хронику рождения российских университетских музеев. Возвратимся к ним, рассмотрев их в нескольких контекстах, относящихся к истории науки, социологии, культурной антропологии и музеологии. По ходу встраивания кейса в разные концептуальные пространства, напомним важнейшее, что известно об утраченной коллекции.

1. Движение коллекции как пример диффузии знаний

История Генкелевой коллекции – пример целенаправленного переноса (диффузии) знаний, явления, в XVIII в. исключительно важного для становления в России науки и укоренения в ней современных для того времени технологий и относящихся к ним технических устройств (2).

Непосредственное отношение к переносу знания в данном случае имеют два связанных между собой аспекта темы: механизм, посредством которого коллекция приобрела мобильность, и реализующие ее путешествия из Центральной Европы в Петербург, а позже по России. Объектом переноса выступает сформированное авторитетным специалистом минералогическое собрание. Участниками – собиратель и лицо, к которому переходит коллекция. Механизм – ее «выписка» (покупка).

Рассмотрим все это подробнее. Первое конкретное место, которое историографическая традиция связывает с данной коллекцией – город Фрайберг в Саксонии², в котором жил врач, химик и минералог Иоганн Фридрих Генкель (1678–1744). Здесь в 1739–1740 гг. в качестве его учени-

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1755. 14 марта. № 21. С. 5.

² Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым. 1755–1855. М.: в Унив. тип., 1855. С. 50.

ков жили трое российских студентов: в будущем выдающийся ученый-естествоиспытатель и поэт М.В. Ломоносов, создатель русского фарфора Д.И. Виноградов и организатор горно-металлургического производства (вице-президент Берг-коллегии) В. Райзер. Именно здесь приобрел минералогический «кабинет» отец Н.А. Демидова богатейший российский металлопромышленник Акинфий Никитич Демидов (1678–1745) (рис. 1). Некоторые авторы³ связывают это событие с его поездкой в Германию, документально, однако, не подтвержденной⁴. Не исключено и дистанционное ее приобретение: позднее его сыновья назовут этот и еще один привезенный отцом в Россию минералогический кабинет «выписными» (РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 269).

Маршрут перемещений коллекции по России в общих чертах известен. Некоторое время она находилась в Петербурге. В 1745 г. его покинула, будучи отправлена на восток: через Тверь в Москву. Она еще не добралась до старой столицы, когда маршрут продлили: в силу неожиданно возникших обстоятельств (о них дальше) было принято решение отправить ее на Урал (на бытовом языке того времени – в Сибирь). Побывавший там и дополненный местными материалами, кабинет возвратили в Петербург, откуда снова отправили в Москву, где он и пребывал до своей гибели в городском пожаре 1812 г.

Движения инноваций с запада и из центра Европы на восток являлось в это время важным направлением их диффузии, реализуемым во множестве единичных актов и охватывающем обширную номенклатуру перено-

Лит. А. В. Минстер, СПб. Мейко 40

Акинфий Никитичь
ДЕМИДОВЪ.

Рис. 1. Акинфий Никитич Демидов.
Источник: книга Г.И. Спасского
«Жизнеописание Акинфия Никитича
Демидова, основателя многих горных
заводов, составленное из актов,
сохранившихся у его наследников
и из других сведений» (СПб., 1877).

³ См., например, Головищikov К.Д. Род дворян Демидовых. Ярославль: Тип. губ. правл., 1881. С. 51.

⁴ А.М. Сточик и С.Н. Затравкин датируют эту поездку 1742–1743 гг. (3: 135). Если ориентироваться на эти годы, то диапазон можно сжать. Судя по сохранившейся переписке, А.Н. Демидов не мог появиться за границей раньше мая 1742 г. (сохранились уральские его письма, датированные апрелем). В марте следующего года он также находился уже в России – тогда в Туле он оформлял свое завещание.

Рис. 2. Поиск руды с помощью лозы и шурфовка.

Фиг. 1. а. Как рудокоп лозою руду находит, б. склонение лозы на рудную жилу. Фиг. 3. Как шурфование производится: а. жила, б. шурфы, с. как руду в кучу для обжигания сваживают. Источник: книга И.А. Шлаттера «Обстоятельное наставление рудному делу, состоящее из четырех частей, в которых описаны рудокопные места, жилы и способы для прииску оных, також учреждение новых рудников, потребныя к рудному производству машины, и разборание, толчение и промывание руд; с прибавлением о добывании каменного угля, сочиненное и многими чертежами изъясненное...» (СПб., 1760). Таблица 2.

симых объектов и знаний. Для данной коллекции маршрут перемещений оказался сложнее: достигнув границы с Азией, она вернулась в Петербург, откуда была отправлена в Москву. Очевидно, существовали обстоятельства и факторы, на каждом из участков траектории побуждавшие объект к перемещению именно в этом, а не ином направлении. Какие и как они действовали?

Для ответа на вопрос необходимо уяснить цель приобретения коллекции. Огромное и непрерывно расширявшееся промышленное хозяйство А.Н. Демидова (ему принадлежали металлургические заводы в центре Европейской части России, на Урале и Алтае) требовало обеспечения ресурсами – рудой, лесом, движущимися водами. Рудники рано или поздно вырабатывались и подлежали замене. Поиск перспективных рудопроявлений (рис. 2) являлся неотъемлемым условием устойчивой работы предприятий и во многом определял границы территории, которую контролировал и осваивал заводовладелец. Значимость поисковой работы подчеркивал даже дворянский герб Демидовых – на нем изображались не металлургические печи, а рудоискательные лозы.

Поисковиками у А.Н. Демидова первоначально выступали рудознаты-самоучки. «Олонецкие старики» (как он сам назвал их в одном из документов⁵), отправленные им в Томский и Кузнецкий уезды, отыскиали поли-

⁵ Сообщение А.Н. Демидова в императорский Кабинет об обстоятельствах открытия алтайских руд от 12 декабря 1744 г. (Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. С. 63).

металлические руды на Алтае. Позднее Демидов сумел привлечь на заводы специалистов из Саксонии, которым удалось выплавить из этой руды серебро. Незадолго до его смерти из руды на Змеиногорском руднике было выделено и самородное золото⁶.

Серебро на протяжении долгого времени являлось целью, не исчерпывающе, но во многом определявшей векторы хозяйственного освоения Демидовыми новых территорий. Найти его обещал Петру I еще основатель династии Демидовых⁷. Но самоучки, накопившие практический опыт поиска железных и медных руд, квалификацией, достаточной для выявления рудопроявлений серебра и золота, не обладали. Одной из причин, мешавших ее у них формированию, было отсутствие доступа к эталонным образцам руд. В это время серебро в России в небольших количествах добывали на о. Медвежий в

Лапландии и в Забайкалье на Нерчинском заводе. Но серебрясодержащие руды этих и других рудников евразийского континента по характеристикам могли сильно между собой различаться. Особый интерес представляли богатые металлом образцы из горно-металлургических районов, где его добыча велась давно (именно их в упомянутой газетной заметке назовут «наилутчими минералами»). Что появление таких инициировало поиски, видим на примере эпизода, связанного с переводчиком Посольского приказа А.А. Виниусом. Посетив в 1673 г. с дипломатическим поручением Испанию, он вывез оттуда образцы «самой доброй» золотой

ОТДѢЛЕНІЕ 2.

О серебряныхъ рудахъ.

1. *Серебряныя руды собственно суть тѣ, которыя кромѣ лѣгучаго существа и серебра, либо нѣсколько другаго металла, или по крайнѣйшѣмѣ въ весьма мало содержатъ; на пр: самородное серебро, стеклопаятая серебряная руда, которую въ Венгріи и Норвегіи такъ же самородною называютъ, красная серебряная руда, бѣлая серебряная руда, которая хотя мѣдь содержитъ, однако часто бываетъ, что и весьма богата серебромъ; на пр: изъ сорока марковъ нечистаго серебра, выходитъ самого чистаго двенадцать марковъ.*

2. *Случайнымъ образомъ могутъ быть серебряною рудою: коболтъ, дымчатая, или флешая руда, мѣдная руда, сабляная спинцовая руда, колчеданъ.*

3. *Средство серебро добывать есть спинецъ, и есть главнѣйшее орудіе въ пробирномъ художествѣ.*

4. *Для стѣклопаятой серебряной руды, припомни о сурьяномъ желѣзномъ королькѣ.*

ОТДѢ.

Рис. 3. Раздел, посвященный серебряным рудам в книге И.Ф. Генкеля «Руководство к химическому рудословию» (СПб., 1775).

⁶ Бородаев В.Б., Контев А.В. Ук. соч. С. 254–255.

⁷ Письмо Петра I Н.Д. Демидову при посылке портрета и с поручениями 1722 г. (см. Головщиков К.Д. Ук. соч. С. 42).

и серебряной руд. По возвращении вчерашний дипломат сразу же занялся организацией экспедиции для их поиска на Волге и Каме (4: 108–123).

Обладать шtuфами серебросодержащих минералов или самородным серебром из месторождений с высоким содержанием металла (российские к таким не принадлежали) могла коллекция, собранная только за границами России. Полагаем, это обстоятельство сыграло важную роль в принятии решения о приобретении минералогического собрания Генкеля (рис. 3). Хотя, разумеется, учитывалась польза и от появления сравнительного материала по рудам других металлов.

Сказанное, помимо прочего, позволяет предположить, где Демидов намеревался держать выписанную коллекцию. Может быть, не всю, но ту ее часть, которая относилась к рудам благородных и некоторых цветных металлов, – на алтайских заводах, перерабатывавших сложные по составу полиметаллические руды.

2. Первое описание коллекции

При диффузии знаний переносится, как правило, не только и не столько совокупность «черновых» (первичных) эмпирических фактов, но уже извлеченная из них и обработанная информация. В приложении к минералогической коллекции это означает, что ее материал должен быть осмыслен и пространственно организован в соответствии с определенной системой, что придает совокупности природных объектов новое качество – превращает ее в артефакт. Отображением результатов анализа является синтетический текст – описание, каталог.

Состояние коллекции, подаренной университету, было не таково. В протоколе университетской Конференции от 13 января 1770 г. Читаем: «... братьями Демидовыми, как известно, никакого при этой коллекции не дано реестра того, что в ней должно быть и отсутствует». Профессор М.И. Афонин, принимавший коллекцию от прежде занимавшегося ею в университете профессора доктора И.Х. Керштенса, также отмечал, что его предшественник при передаче ему «никакой полученной описи с оным кабинетом от господ Демидовых... не предъявил»⁷. На этот факт указывает и историография. Так, З.А. Бессуднова трудности, возникшие при передаче кабинета от Керштенса Афонину, объясняла тем, что «Демидовы подарили кабинет без всякого каталога» (5: 20).

Но то, что университет не получил описания, не значит, что его не получил покупатель. В отсутствие каталога большой (около 6 тысяч образцов) коллекции поверить невозможно, поскольку без нее не обеспечить полностью ее передачи при продаже.

Действительно, каталог существовал. Его след зафиксировала опись библиотеки А.Н. Демидова, составленная после его смерти. В ней упомянуто «Описание собранных покойным саксонским берг-советником Генкелем

⁷ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / Подг. к печ. Н.А. Пенчко, отв. ред. Г.А. Новицкий. Т. 3: 1767–1786. М.: Изд-во Мос. унив., 1963. С. 260, 292.

рудных металлов и минералов»⁸. Скорее всего, при разделе имущества оно было отнесено к книгам и по этой причине отделено от коллекции⁹. Очевидно, получивший его наследник описание не заметил – в противном случае он вслед за коллекцией передал бы его университету.

По какой системе был составлен этот не дошедший до нас (или пока не выявленный) каталог, не знаем, о чем приходится сожалеть. Минералогических систематик в середине XVIII в. существовало около 30 (8: 798). Совпадала ли система, использованная составителями каталога с той, которой придерживался М.В. Ломоносов, позднее описывавший материалы минералогической коллекции Академии наук? Не исключено, что молодой ученый был не вполне свободен в выборе системы описания¹⁰. Но нельзя исключить, что он руководствовался теми же приемами описания, которыми пользовался его фрайбергский учитель и которые отразились в описании коллекции, приобретенной Демидовым.

3. Приобретение новой функциональности

Мы обсудили причины приобретения коллекции и отправления ее из Германии в Россию и дальше по маршруту Петербург – Тверь – Москва – (Фокино¹¹) – Урал (Невьянский завод?). Сходное направление, но иную природу имел диффузионный импульс, снова отправивший на восток коллекцию, возвратившуюся в Петербург. Вскоре после смерти А.Н. Демидова его алтайские предприятия были у сыновей изъяты – перешли под управление Кабинета е.и.в. Наследники, лишившись самого перспективного для поиска руд благородных металлов района, к этому занятию охладели. Охладели и к коллекции. Первым, кто заявил о готовности расстаться с ней, оказался младший из братьев. После присоединения к нему остальных наследников коллекция от имущества была отделена. Дальнейшую ее судьбу определяла не польза, которую она могла принести разведочной работе, а желание владельцев помочь развитию образования, науки. Руками Демидовых и И.И. Шувалова эпоха Просвещения отправляет коллекцию в Москву.

⁸ У Е.П. Пироговой, отметившей эту запись (6: 16), фамилия расшифрована как *Гениель*. Если это не опечатка и не описка в рукописи, то, возможно, неправильно прочтена буква «к», в это время на письме часто передававшаяся двумя параллельными наклонными чертами.

⁹ Когда в русских частных собраниях эпохи Просвещения естественно-научный кабинет располагался не в отдельном помещении, то он относился к библиотеке (7: 37). Если сам кабинет подчас совмещали с библиотекой, что говорить о его описании, которое, скорее всего, хранили именно в ней.

¹⁰ Ломоносов был не единственным, кто занимался этим проектом. До него большую часть работы выполнил профессор химии Академии И.Г. Гмелин; кроме того, работу Ломоносова курировал профессор ботаники и естественной истории И. Амман (*Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 5: Труды по минералогии, металлургии и горному делу. 1741–1763 гг. М.; Л.: Изд-во Акад. наук, 1954. С. 654*).

¹¹ Демидовская вотчина на Волге, являвшаяся промежуточной «станцией» при движении Демидовых и их имущества из центра Европейской России на Урал. Здесь во время последней для него поездки на Урал останавливался А.Н. Демидов, умерший вскоре в селе Икское Устье на Каме.

Изъятие Генкелева кабинета из группы подобных ей коллекций, призванных обеспечивать работу по поиску и обнаружению руд металлов, сопровождалось наделением ее новым, символическим значением. Она становилась материальным воплощением представлений о многообразии подземных богатств, красоте драгоценных и поделочных камней, отображением (для систематизированной коллекции) накопленных знаний о химической природе и происхождении минералов и проч. (9: 71) Менялся статус предмета. Из того, в котором предмет неотделим от извлечения из него выгоды¹², он переходил в сферу, где все определяется ценностями, прямого отношения к пользе не имеющими. Лишение предмета исходного функционала и относительно свободное приписывание ему новой функциональности превращало его в качественно новый тип предмета – тот, который К. Помян называл *семиофором*. При этом хотя для объекта нашего исследования оба назначения, прежнее и новое, были связаны с горным делом, они радикально различались. Генкелеву коллекцию (1744–1754 гг.¹³) планировалось использовать в практической работе по поиску и определению руд, ее же, ставшую коллекцией, подаренной Демидовыми (1755–1812), – для обучения минералогии в университете.

В Москву коллекция отправляется не сразу. Демидовы передают ее первому куратору университета И.И. Шувалову, в петербургском доме которого в распакованном виде она некоторое время пребывает и посещающими его осматривается¹⁴. Одна из причин задержки – отсутствие возможности разместить ее в Москве в подходящем для работы с ней помещении. Другая – стремление через демонстрацию дара просвещенной публике побудить ее к подражанию. Заметим, что открытие частных собраний для их осмотра – характерная черта культуры эпохи Просвещения (7: 41). Одновременно это свидетельство отмены первоначальной функциональности вошедших в них предметов и коллекций. Минералогическую коллекцию, находящуюся вдали от мест, где ведется разведка, использовать для сверки полевых образцов с эталонными возможно, но очень неудобно. Налицо отмена или снижение до минимума первичной утилитарной функции и наполнение объекта значениями и символами, связанными с культурой, т.е. ее превращение в семиофор.

4. История Генкелева кабинета как часть семейной истории Демидовых

Поместим историю Генкелевой, ставшей демидовской коллекции в другой контекст – семейной истории. Самый ранний известный нам эпизод в относящейся к нему цепочке событий – письмо вдовы А.Н. Демидова Евфимии Ивановны. Именно она придала ее путешествию из Петер-

¹² К. Помян именует этот статус «цивилизационным».

¹³ Хронологические границы условны. Первую устанавливаем по году смерти Генкеля, вторую по году, предшествовавшему объявлению Н.А. Демидова о передаче коллекции университету.

¹⁴ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Ук. изд. С. 322.

бурга добавочный импульс, заставивший коллекцию не задерживаясь миновать еще и старую столицу. В письме московскому приказчику от 26 августа 1745 г. она потребовала по получении от петербургского и тверского приказчиков «горного и минерального кабинетов, горной пирамиды и прочих вещей прислать их в Фокино как можно скорее, откуда они будут посланы в Сибирь» (РГАДА. Ф. 1267. Оп. 13. Д. 22. Л. 162).

Неизвестно, Акинфий отправил коллекцию на Урал (это более вероятно), или он лишь собирался это сделать, а отправила вдова. Но важно, что она вспомнила о ней очень скоро после смерти супруга и что предприняла усилия, чтобы перевозку ускорить. Причина ее активности кроется в сложных, конфликтных отношениях, сложившихся в семье А.Н. Демидова и обострившихся с его смертью. Старший сын Прокофий, судя по всему, долго надеялся, что, подобно тому как основатель династии Никита Демидов передал все заводы старшему сыну Акинфию, так же поступит и Акинфий – оставит ему всю промышленную недвижимость. Однако в последние годы жизни отца его отношения с Прокофием ухудшались. Точки над і расставило оформленное в Туле завещание, которым металлургические заводы их владеец оставлял младшему сыну Никите Акинфиевичу¹⁵, другим же детям лишь соляные промыслы, вотчины и дворы в городах (10: 250, 320–324, 329–331).

После смерти А.Н. Демидова (18 августа 1745) императрица Елизавета Петровна заявила, что берет раздел наследства под свой контроль. Она приказала президенту Берг-коллегии А.Ф. Томилову описать имущество заводовладельца и ехать в Невьянский завод (старейший завод Демидовых на Урале, где жил Акинфий с женой и младшим сыном), куда явиться и другим наследникам. Е.И. Демидова предчувствовала, что предстоящий раздел едва ли пройдет гладко, особенно опасалась, что живший в Москве старший сын, главный ее и Никиты противник, что-то из имущества, подлежащего описанию, утаит. Это касалось и минералогической коллекции. Отсюда решение: взять дело под личный контроль, для чего переместить, что возможно, в Невьянск, где вдова чувствовала себя хозяйкой. (Заметим, кстати, что ее внимание к судьбе коллекции свидетельствуют о том, что не только А.Н. Демидов, но и его семья вполне осознавали ценность кабинета.) Так затянувшийся семейный конфликт сказался на судьбе коллекции: ее спешно перевезли на земли Демидовых, лежавшие в двух тысячах верст от Петербурга.

Как видим, хотя вполне вероятно, что путешествие коллекции на восток первоначально задумывалось с целью переноса знаний, связанных с горными науками, на него после смерти Акинфия воздействовал и характер семейных отношений. Всем управлял пока еще неясный, но очевидно изменяющийся сценарий внутрисемейного перетекания капиталов, на который один из акторов пытался повлиять в выгодном для него направлении.

В дальнейшем коллекция надолго из поля зрения исчезает. Керштенс в письме от 1 мая 1770 г. упоминает, что в Сибири она пополнилась образ-

¹⁵ Оговаривался случай, когда два завода должны были отойти к его, Никиты, матери.

цами, но где и когда это произошло, умалчивает. Молчат и документы. Остается гадать, какие бури разыгрывались вокруг нее на протяжении десятилетия. Но можно назвать несколько причин, совокупно снижавших ценность коллекции для ее владельцев. Во-первых, после того как указом императрицы от наследства были отделены алтайские заводы, заметно ослабела потребность в сравнительном материале, нужном для определения руд благородных металлов. От Алтая Демидовых отлучили, а на обнаружение таких руд на относительно хорошо изученных уральских своих землях они, вероятно, уже не особенно надеялись. Во-вторых, коллекцию нельзя было безболезненно разделить. Любая схема лишала части важного качества, присущего целому, – полноты характеристики минералогического материала. В-третьих, в случае решения передать всю коллекцию одному из наследников, его было трудно реализовать из-за сложности оценки материала в денежном выражении. Как следствие, оставаясь в составе подлежащего разделу имущества, она превращалась в токсичный актив.

Так будущее минералогического кабинета оказалось в зависимости от судьбы предпринимательской династии. Распад крупнейшего в истории всего российского XVIII века металлургического хозяйства, принадлежавшего одной семье, самым существенным образом повлиял на возможность практического использования коллекции и на осознание ее ценности. Существенно утратившая ее коллекция возвратилась в Петербург.

5. Коллекционирование как маркер социальной идентичности на этапе ее смены

На судьбу коллекции интересно посмотреть и из кабины социального лифта, обеспечившего аноблирование потомков казенного кузнеца Никиты Антюфеева (первого Демидова). Связанная с одворяниванием перестройка образа себя у каждого из его детей и внуков длилась значительно дольше, чем понадобилось для осуществления узаконивших переход юридических процедур. Сыновья Акинфия Демидова рождались с большим разрывом по времени. Когда в 1726 г. вместе с отцом они, по происхождению государственные ремесленники, стали дворянами, Прокофию исполнилось 16 лет, Григорию 11, Никите 2 года (рис. 4). Смена сословной принадлежности повлияла на формирование личности каждого, но из-за разницы в возрасте и индивидуальном психотипе она проходила по-разному, что привело к существенно различной самоидентификации. Прокофий родился задолго до причисления к привилегированному сословию. В детстве и отрочестве жил на Урале и в Туле, в последней его друзьями были сверстники из ремесленной среды, а развлечениями – общие с ними забавы¹⁶. Хотя потом он вспомнит, что в молодости учился «на лапирях битца»¹⁷, в его поведении закрепятся и будут даже подчеркиваться им черты, роднящие его с миром городского посада. Подробностей, касаю-

¹⁶ Подробности см. в нашей книге (10: 311–312).

¹⁷ Прокофий Акинфиевич Демидов: Письма и документы. 1735–1786 / Авт. и отв. ред. А.С. Черкасова. Екатеринбург: Демидовский институт, 2010. С. 131.

Иис. Акинфьев

Paint par Léonard

Прокофій Акинфиевичъ
Демидовъ,
1710 — 1788

Procope Akinfiewitch
Démidoff,
1710 — 1788

182

Никита Акинфиевичъ
Демидовъ,
1724 — 1789

Nikita Akinfiewitch
Démidoff,
1724 — 1789

181

Григорій Акинфиевичъ
Демидовъ,
1715 — 1761

Grégoire Akinfiewitch
Démidoff,
1715 — 1761

183

Александръ Григорьевичъ
Демидовъ,
1737 — 1803

Alexandre Grigorievitch
Démidoff,
1737 — 1803

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Рис. 4. Демидовы: братья Прокофий, Григорий и Никита Акинфиевичи (№ 180–182) и сын одного из них Александр Григорьевич (№ 183).
Источник: книга Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 5. СПб., 1909.

щихся юности Григория, не знаем, но следует учитывать, что в отличие от большинства дворян он, как и Прокофий, не был связан обязанностью службы¹⁸. Располагая временем, он мог посвятить его учению, к которому, судя по всему, имел склонность. Увлечшись естественными науками, Григорий создал ботанический сад под Соликамском и многие годы переписывался с К. Линнеем (не без гордости и одновременно горечи признался ему: «... в этих местах я единственный живой ботанофил» (11: 56)). Иной была среда, в которой рос и мужал младший брат Никита. Хотя, судя по отрывочным данным, его детство и юность прошли рядом с отцом по большей части на заводах Урала и Тулы (что понятно: тот готовил в его лице смену), почти с рождения он был уже дворянином и соответствующим образом воспитывался. Как и братья, Никита обошелся без заграничного образовательного «гранд тура». Но страсть к чтению, которую демонстрируют многочисленные маргиналии на сохранившихся книгах его библиотеки (6: 96–104), – черта человека образованного. Неудивительно, что именно он первым заявил о передаче университету своей части Генкелева кабинета. Одновременно косвенно напомнил современникам о своем состоянии, достаточном, чтобы делать такие подарки. К. Филлипс в отношении Франции XVIII в. писала о том, что «коллекционирование становилось среди состоятельных людей... общепризнанным символом высокого социального статуса и обычным занятием для тех, кто был достаточно состоятелен и нуждался в демонстрации своего социального положения» (12: 13). В России оно таковым еще не стало, но процесс развивался в этом направлении.

Никита, похоже, менее склонный к наукам, чем Григорий, совершил показательный поступок, благодаря которому предстал в обществе достойным сыном нового века, эпохи Просвещения. Его братьям еще предстояло осознать, что сословный статус предписывает им благотворить, причем не только жертвуя на храмы (на это тратил деньги еще их отец), но и поддерживая сферу просвещения и образования. (Неважно, что для «старых» дворян такое поведение не стало типичным. У многих не хватало средств, у большинства – до указа о вольности дворянства – еще и времени для такой деятельности. Кроме того, им, в отличие от Демидовых, не нужно было доказывать свое сословное соответствие.) Кроме того, нельзя исключить, что старшие братья вплоть до точного определения заводов, которые им достанутся при разделе, еще надеялись коллекцию использовать. У обоих был опыт управления производством (Тульский завод у Прокофия, соляные скважины у Григория), оба намеревались заводами не только владеть, но и развивать их.

Все это задержало принятие совместного решения о передаче университету отцовской минералогической коллекции. Тем не менее через два с половиной года после пионерского поступка Никиты Акинфиевича оно со-

¹⁸ В этом говорилось в высочайшей грамоте о дворянстве Демидовых 1726 г.: «... их и детей их, и потомков против других дворян ни в каких службах не выбирать и не употреблять» (Спасский Г.И. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя многих горных заводов, составленное из актов, сохранившихся у его наследников и из других сведений. СПб.: тип. и лит. А.Э. Мюнстера, 1877. С. 86).

стоялось. Запись от 26 ноября 1757 г. в Журнале заседаний, посвященных разделу имущества, сообщает о новых подвижках в отношении судьбы коллекции: «... со общего согласия положили они (братья Демидовы. – И.Ю.) из отцовского имения в Московской императорской университет поднести два выписные минеральные кабинета, называемые один Генкелев, а другой Морздорфов, и минеральную ж перемиду, ис коих один кабинет уже и поднесен, и требовали, чтоб оные кабинеты и перемиду ис числа раздела их исключить и о том для ведома записать в журнал» (РГА-ДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 269–269 об.). Демидовы, введенные в дворянство всего лишь три десятилетия назад, показали себя просвещенными дворянами раньше многих дворян с родословной.

6. Эпизод в истории собирательства

История Генкелева кабинета – еще и эпизод в истории собирательства. Факты частного художественного коллекционирования в России фиксируются по меньшей мере с XVII в.¹⁹ Примером может служить сохранившаяся коллекция графики, собранная А.А. Виниусом (1641–1716). В это время уже существуют и довольно большие частные книжные собрания, одно из которых принадлежало тому же Виниусу.

Значительно большее распространение собирательство приобретает в первой четверти XVIII в. Хотя петровское время дает сравнительно немного материала о частном коллекционировании в России природных материалов и редкостей, но эта бедность компенсируется обилием данных о коллекционировании самого Петра Великого. Уже в первом путешествии в Европу он покупал природные раритеты: раковины, чучела, влажные препараты в «скляницах», и позднее приобретать их продолжил. Личное собрание царя после его смерти было передано в первый в России публичный музей, Кунсткамеру (7: 14–15). Собирательская деятельность (направленная преимущественно на художественное коллекционирование) становится не чуждой и представителям ближайшего окружения царя: А.Д. Меншикову, Ф.М. Апраксину, Б.П. Шереметеву (7: 14–15).

В послепетровское время круг знати, который причастен к коллекционированию, расширяется. Вполне закономерно (по статусному признаку) в него попадает и А.Н. Демидов. О составе его коллекций можно судить по описям имущества, как правило, не содержащим сведений о происхождении предметов. В описях значится 173 картины, русские и немецкие книги в количестве 441²⁰. Отмечены предметы, которые можно отнести и к предметам роскоши, и к коллекционным редкостям: «портрет золотой с розами», серебряная персидская медаль, фарфоровые и глиняные куклы, китайская чайная посуда и лаковые тарелки, «серпентинная» чернильница

¹⁹ Собрание ценностей и редкостей в государственной казне, а также патриаршие и монастырские сокровищницы, формирование которых началось значительно раньше, в данном случае не рассматриваем.

²⁰ То же число книг, которое указано в использованном нами документе из РГАДА, приводит и Е.П. Пирогова, работавшая с материалами Государственного архива Свердловской области (6: 12).

и прочее (РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Л. 368 об., 327–328). Покупки это или подарки, не знаем. То же, в чем есть основания подозревать покупки, касается исключительно коллекций минералогических (которые, как мы видели, кабинетом Генкеля не исчерпывались). Только ли утилитарные цели преследовал Акинфий, их покупая, неизвестно, но большинство могло быть использовано для достижения практических целей, извлечения материальной пользы. В данном случае путем использования их в качестве сравнительного материала при поиске руд. Причем эту функцию коллекция полноценно могла выполнять, как уже отмечалось, только будучи неразделенной. В каждую из частей, на которые делили наследство, входили и железные, и медеплавильные заводы, каждому заводовладельцу были нужны эталонные образцы всех руд. Невозможность разделить целое без ущерба для практического использования частей, в решении о передаче коллекции университету сыграла, полагаем, немалую роль. Только так главное достоинство коллекции – широкий охват минеральных богатств – могло быть использовано во всей его полноте.

7. Зародыш музея

Обязательным структурным подразделением классического университета являлся его музей. «Чтобы основать религиозное учреждение, – отмечал К. Помян, говоря о европейском Средневековье, – следовало обеспечить его не только землями, но и реликвиями» (13: 36). Сходная ситуация возникала при основании университетов, не имевших собственного собрания предметов, которые можно было бы превратить в музей.

По классификации, используемой К. Помян, музей, созданный на основе коллекции, подаренной Демидовыми, следует отнести к категории *эвергетических* (интерсубъективных) – к группе, которая возникала на основе частных дарений. Другого в данном случае и быть не могло. Музей вырос не из длительного время существовавшей сокровищницы, не был «собран» властями из отчужденных предметов, не был как институция создан на пустом месте с тем, чтобы в дальнейшем собрать экспонаты путем приобретений.

Первое, что требовалось университетскому музею, – коллекции предметов и экспозиционные площади. Формировать коллекции своими силами университет возможности не имел – эти силы были направлены на налаживание учебного процесса при параллельном решении хозяйственных задач. На начальном этапе комплектование музея обеспечивалось посредством получения в дар готовых коллекций. Акция Н.А. Демидова была первой в этом ряду. «Санкт-Петербургские ведомости» это подчеркнули: дарение, писали они, «показывает довольно его доброжелательство к успеху учреждающегося университета, тем наиболее, что он, господин Демидов, первой пример оказал»²¹. Обращая внимание читателей на первенство Демидова, автор текста намекал на уместность следовать его примеру. И последователи вскоре появились²².

²¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1755. 14 марта. № 21. С. 5.

²² Шевырев С.П. Ук. соч. С. 51.

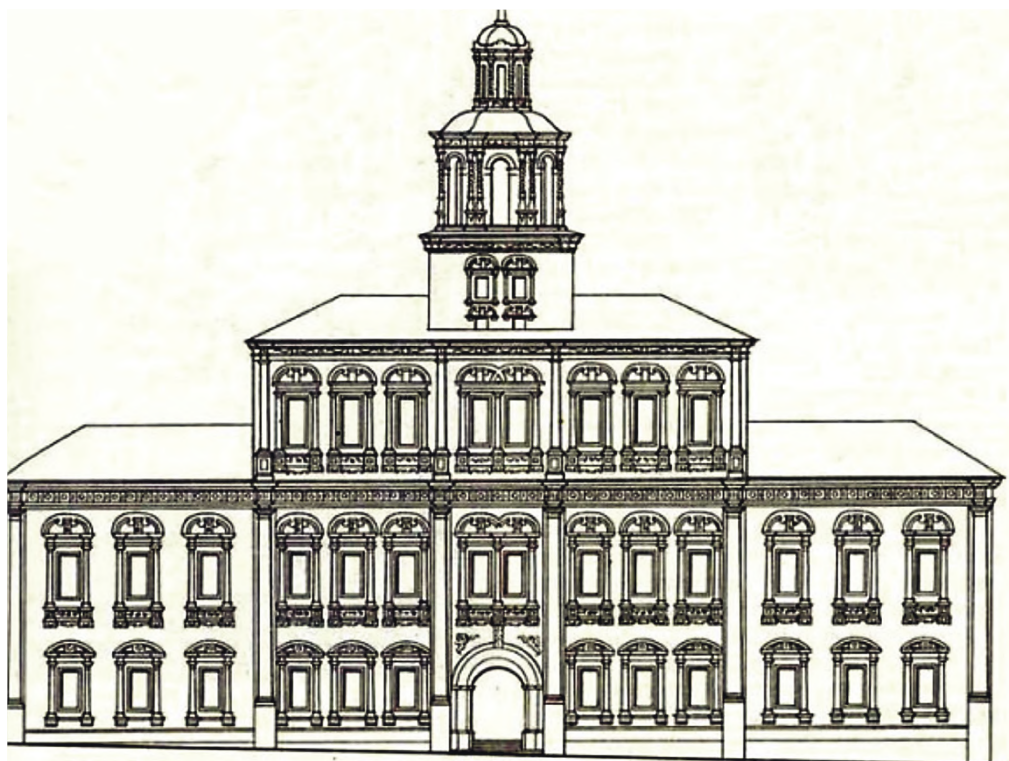

Рис. 5. Фасад здания «у Куретных ворот, в коем прежде была Аптека» – дома Главной аптеки на Красной площади, переданного для учреждавшегося в Москве университета. Здесь до переезда в здание на Моховой улице находились переданные университету Демидовыми Генкелев и Морздорфов «минеральные» кабинеты.

Полученные в дар коллекции требовалось как-то разместить, обеспечив одновременно сохранность и доступность для образовательных целей. Демидовы пожертвовали материальные предметы и некоторую денежную сумму, но не музейное оборудование, не подготовленных работников, которые бы собрание обслуживали, охраняли, пополняли, научно обрабатывали. В Москве не было даже помещения, пригодного для хранения и экспонирования. Как результат, демидовской коллекции пришлось на некоторое время задержаться в Петербурге у И.И. Шувалова, где ее впервые и увидел Керштенс.

Двух лет, разделяющих декларацию о дарении и ее передачу в университет, для разрешения проблемы с помещением оказалось недостаточно (рис. 5). Коллекцию первоначально разместили в университетской библиотеке (возможно, еще и потому, что ее книжный фонд был пока невелик). Предметы находились на столах, где по словам Керштенса, каждый мог брать их в руки и осматривать²³. Дабы «положить конец этому злу», профессор взялся за приведение коллекции в порядок, необходимый, как он пишет, «для посещающих мои лекции по минералогии». Недостаточно

²³ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Ук. изд. С. 323.

защищенным размещение предметов оставалось на протяжении приблизительно года, хотя и тогда оно, скорее всего, не было исключительно настольным. Учитывая, что в коллекции имелись штUFFы, содержавшие благородные металлы, можно не сомневаться, что такие хранились в шкафах (об их существовании упоминает Керштенс). Извлекались и переносились на столы лишь отдельные образцы, связанные с темой учебного занятия.

Упоминание об аудитории, ради которой Керштенс занялся упорядочением коллекции, прямо указывает на то, для чего минералогический кабинет приняли и держали при университете: он предоставлял обучающий материал. Это возвращает к вопросу о специфике объекта (в данном случае совокупности предметов) в университетском естественно-научном музее. Нам неизвестно, для чего создавал ее собиратель, но его намерения в данном случае не так уж и важны. А.Н. Демидовым она приобреталась для практического использования, во всяком случае для него прежде всего – это представляется несомненным²⁴. Переселившись в университет, такая совокупность и предмет в ней (так же как пишущая машинка, телефон, счетное устройство и т.д.) изменили тип своих культурно обусловленных смыслов – из категории смыслов практических перешли в категорию символических смыслов (14: 177). Но исчерпывалось ли теперь качество демидовской коллекции минералов и редкостей только тем, что она превратилась в семиофор? Операции до и после перехода внешне сходны: и минералог-практик, и студент, изучающий минералогию, исследуют свойства минерала. Однако характер использования естественно-научной коллекции, который предполагался при ее покупке и который реализовался после ее дарения университету, качественно различны. Тем не менее первое, под давлением второго отходящее в тень, полностью не исчезает. Образуется «сумма смыслов» (14: 178), гибрид: учебный материал, необходимый для переноса и/или умножения знания, сохраняет способность использоваться и как «справочник» по минералам. Отметим, что переход к общезначимым и относительно более доступным для понимания культурным смыслам сопровождается расширением охвата потребляющей семиофор аудитории – теперь это уже не отдельный исследователь, а группа студентов.

Итак, первая в России коллекция – комплексный семиофор и первый учебный музей, созданный на его основе, появился в России благодаря Демидовым. Сохранились ли от нее, сгоревшей в 1812 г., какие-то остатки? В собрании Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» хранится уникальный предмет – минералогическая коллекция в форме горки, содержащая 51 образец руды (номер в госкаталоге музейного фонда РФ 57892297). В надписи на металлической пластине указана точная дата, когда она была «содействована»: 14 ноября 1728 г. Стиль и приемы ее оформления позволяют предположить ее западноевропейское происхождение. Не та ли эта горная пирамида, которая упомянута в письме Е.И. Демидовой 1745 г., а позже под названием «минеральная перемид» дважды в записи

²⁴ Не исключаем, что коллекция и комплектовалась по заказу А.Н. Демидова. В этом случае практическое использование предполагалось с самого начала ее формирования.

братьев 1757 г. о передаче коллекции? В кратком Инвентаре минеральной коллекции Императорского московского университета 1770 г. также упомянута «пирамида с разного рода штуфами и находящимися между ними горными строениями»²⁵. Но сведений о том, что из сокровищ университетского музея что-то передавали позже Демидовым, не имеется (все, что есть – обратно направленное: о дарах Демидовых университету). Кроме того, описание московской пирамиды не соответствует описанию нижнетагильской (на последней нет «горных строений»). Скорее всего, сохранившаяся в Нижнетагильском музее горка прямого отношения к истории минералогической коллекции Генкеля (какой мы ее можем представить по весьма ограниченному кругу источников) не имеет.

Остается добавить, что замечательная коллекция, заложившая основу Музея натуральной истории Московского университета и погибшая в пожаре 1812 г., не погибла для истории науки и музейного дела. Многие о ней уже известно, и, можно не сомневаться, еще станет известно в будущем.

Архивы

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

Литература

1. Юркин И.Н. «... Ис коих один кабинет уже и поднесен...» (К истории минералогического кабинета И.Ф. Генкеля – первой коллекции в собрании музея Московского университета) // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 1 (25). С. 109–120. DOI:10.7256/2222-1972.2015.1.15676.

2. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2007. 368 с. (Экономическая история. Документы, исследования, переводы).

3. Сточик А.М., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. М.: Шико, 2000. 464 с.

4. Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М.: Наука, 2007. 558 с.

5. Бессуднова З.А. Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета. 1759–1930. М.: Наука, 2006. 244, [1] с., [20] л. ил. (Очерки по истории геологических знаний; вып. 32).

6. Пирогова Е.П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург: Сократ, 2000. 208 с.

7. Саверкина И.В. История частного коллекционирования в России. СПб.: Гос. ун-в. культуры и искусств, 2006. 208 с.

8. Новгородова Д.Д. «У Плиния и хризопраз не хризопраз, и топаз не топаз, и сапфир не сапфир» // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXIII (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Междунар. конференции, проходившей 24–26 июня 2019 г. / Отв. редактор Н.Н. Казанский. Второй полутом. СПб.: Наука, 2019. С. 796–822.

9. Бессуднова З.А. Первое столетие Музея естественной истории Московского университета. Традиции меценатства и судьбы коллекций // VM-Novitates, 2019. № 16. С. 68–82.

10. Юркин И.Н. Демидовы: Столетие побед. М.: Молодая гвардия, 2017. 447 с. (Жизнь замечательных людей; вып. 1655).

11. Черкасова А.С. «Ваши особые научные познания... известны мне...»: Письма Григория Акинфиевича и Павла Григорьевича Демидовых Карлу Линнею // Демидовский вестник. Кн. 2. Екатеринбург: Демидовский институт, 2008. С. 9–44.

²⁵ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Ук. изд. С. 288.

12. Филлипс К. Коллекция как антропологический текст // Помян К. Коллекционеры, любители и собиратели. Париж, Венеция: XVI–XVIII века. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. С. 11–14.

13. Помян К. Коллекционеры, любители и собиратели. Париж, Венеция: XVI–XVIII века. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. 400 с.

14. Менш П., ван. К методологии музеологии // Вопросы музеологии. 2014. № 1 (9). С. 15–291.

References

1. Yurkin I.N. «... One of these cabinets has been already presented...» (To the history of the J.F. Henckel mineralogical cabinet as the first collection of the Moscow University Museum). *History magazine – researches*. 2015;(1):109–120. Available from: doi:10.7256/2222-1972.2015.1.15676. (In Russ.)

2. Alekseeva E.V. *European innovations and their propagation in Russia from 18th to 20th century*. Moscow: ROSSPEN; 2007. 368 p. (In Russ.)

3. Stochik A.M., Zatravkin S.N. *Moscow University Medical Faculty in the 18th century*. Moscow: Shiko; 2000. 464 p. (In Russ.)

4. Yurkin I.N. *Andrey Andreyevich Vinus. 1641–1716*. Moscow: Nauka; 2007. 558 p. (In Russ.)

5. Bessudnova Z.A. *Geological research in Moscow University natural history Museum, 1759–1930*. Moscow: Nauka; 2006. 246 p. (In Russ.)

6. Pirogova E.P. *The Demidov libraries: books and fates*. Yekaterinburg: Sokrat; 2000. 208 p. (In Russ.)

7. Saverkina I.V. *The history of private collecting in Russia*. St. Petersburg: Saint Petersburg State Institute of Culture; 2006. 208 p. (In Russ.)

8. Novgorodova D.D. «In Pliny... chrysoprasus is not chrysoprase, nor is topazus topaz or sapphirus sapphire». In: Kazansky NN. (ed.) *Indo-European Linguistics and Classical Philology-XXIII (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 24–26 June, 2019. Part II (pp. 635–1208)*. St. Petersburg: Nauka; 2019. p. 796–822. (In Russ.)

9. Bessudnova Z.A. The First Century of the Moscow University Natural History Museum. Traditions of Patronage and History of Collections. VM-Novitates. News from Vernadsky State Geological Museum. 2019;(16):68–82. (In Russ.)

10. Yurkin I.N. *The Demidov and their victorious century*. Moscow: Molodaya Gvardiya; 2017. 447 p. (In Russ.)

11. Cherkasova A.S. «Your special knowledge in sciences... isn't obscure to me...»: letters from Grigory Akinfiyevich Demidov and Pavel Grigoryevich Demidov to Carl Linnaeus. In: *Demidovskii vremennik. Book 2*. Yekaterinburg: Demidov institute; 2008. p. 9–44. (In Russ.)

12. Phillips C. Collection as an anthropology text. In: Pomian K. *Collectors, amateurs and curious. Paris-Venise, 16th–18th centuries*. St. Petersburg: EUPress; 2022. p. 11–14. (In Russ.)

13. Pomian K. *Collectors, amateurs and curious. Paris-Venise, 16th–18th centuries*. Kislov V, translator. St. Petersburg: EUPress; 2022. 400 p. (In Russ.)

14. van Mensch P. Towards a Methodology of Museology. *The Problems of Museology*. 2014;(1):15–291. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Юркин Игорь Николаевич, д-р ист. наук, доц., главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 125315, Москва, ул. Балтийская д. 14.

E-mail: ig-yurkin@yandex.ru. ORCID 0000-0002-2491-1680.

Дата поступления статьи: 27.12.2025

Одобрено: 11.02.2026

Дата публикации: 24.04.2026